

DOI: 10.31696/S086919080035908-5

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ
СЕКРЕТНОЙ РАЗВЕДКИ Е.И. ЧИРИКОВА (1849–1853 гг.)¹

© 2026

Д.С. ТКАЧЕНКО ^a

^a– Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
ORCID: 0000-0002-0675-6111; tkdmsg@rambler.ru

Резюме: В статье рассматривается деятельность военного исследователя Егора Ивановича Чирикова по сбору информации о территориях Османской империи, находившихся в Российско-Турецком приграничье. Являясь главой российского представительства в составе международной Демаркационной комиссии по определению Турецко-Персидской границы в Закавказье и Малой Азии в 1849–1853 гг., Е.И. Чириков также выполнял секретное разведывательное задание. Его результатом стало составление рукописи военно-топографического, стратегического и отчасти этнографического характера о землях, приграничных с российским Кавказом. Рукопись, в отличие от официальных материалов работы комиссии и карт, не предназначалась к публикации, а в начале Крымской войны была передана командующему Черноморским флотом адмиралу А.С. Меншикову для координации планов совместных военных действий армии и флота в Черноморском регионе.

Е.И. Чириков на территории Османской империи собирал материалы в соответствии с требованиями к описанию потенциальных театров военных действий, составленными генерал-квартирмейстером Главного Штаба А.И. Нейдгартом. Особое внимание им было уделено осмотру состояния дорог, турецких городов и фортификаций в Баязете, Эрзеруме, Трапезунде и Самсуне. Помимо сообщения фактических сведений, Е.И. Чириков высказывал соображения о возможности ведения военных действий в Российско-Турецком приграничье на Кавказе. При этом в своих оценочных суждениях автор не смог отойти от ориенталистских клише о народах Востока, сталкивался с проблемой отбора достоверных свидетельств местных информаторов, а также эпистемологическими ограничениями, присущими самому методу формирования пространственных представлений через описание дорог.

Рекомендации офицера не были реализованы на практике, а остались памятником амбициозного имперского проекта. Вместе с тем собранные разведчиком фактические данные как формировали имперскую географию прилегающих к Кавказу территорий, так и являлись тем «политическим знанием о Востоке», которое по самому предмету своего изучения влияло на принятие руководством страны дальнейших решений.

Ключевые слова: Е.И. Чириков, Османская империя, Российско-Турецко-Персидское приграничье. Международная демаркационная комиссия, политическое знание о Востоке, военная разведка

Для цитирования: Ткаченко Д.С. Российско-турецкое приграничье по материалам секретной разведки Е.И. Чирикова (1849–1853 гг.). *Восток (Oriens)*. 2026. № 2. С. 99–109. DOI: 10.31696/S086919080035908-5

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00152 «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX – начале XX вв.», <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

RUSSIAN-TURKISH FRONTIER IN THE REPORTS
OF SECRET RECONNAISSANCE BY E.I. CHIRIKOV (1849–1853)²

© 2026

Dmitry S. TKACHENKO ^a^a – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia,
ORCID: 0000-0002-0675-6111; tkdmsg@rambler.ru

Abstract: *The article focuses on the data gathered by a military survey officer Egor Ivanovich Chirikov along the Russo-Ottoman Caucasus frontier. Appointed as a leading Russian member of the International Demarcation Commission on Turkish-Persian border, E.I. Chirikov also participated in secret reconnaissance mission. Its results were summarized in a manuscript of military-topographical, strategic and partly ethnographical nature. Unlike the official papers and maps of the Commission, the manuscript was not intended to be published and was given to the Commander of Russian Black Sea Navy Admiral A.S. Menshikov in the eve of the Crimean war.*

Chirikov gathered information on the frontier according to the guide on setting up the descriptions of potential military clash theaters introduced to officers by the Imperial General Staff. He paid special attention to the Ottoman fortifications in Bayaset, Erzerum, Trapezund and Samsun and presented his views on potential military strategies in the Russo-Turkish frontier zone of the Caucasus. The author was unable to abstain from Orientalist clichés, had to solve the problem of sorting out the reliable information together with the epistemological restrictions inherent to the essence of the very method of forming spatial knowledge via description of roads.

The officer's recommendations were not implemented in reality, but remained a relic of an ambitious imperial project. At the same time, they were the "political knowledge of the East" which, by the very subject of its study, influenced the adoption of further decisions by the country's leadership.

Keywords: E.I. Chirikov, Ottoman Empire, Russian-Turkish-Persian frontier, International Demarcation Commission, political knowledge of the East, reconnaissance

For citation: Tkachenko D.C. Russian-Turkish Frontier in the Reports of Secret Reconnaissance by E.I. Chirikov (1849–1853). *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 2. Pp. 99–109. DOI: 10.31696/S086919080035908-5

Османская империя как южный сосед вызывала интерес со стороны русского общества, который особенно усилился со времени окончания Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг., когда в период дружественных отношений в Турцию устремились путешественники, литераторы и художники, предложившие русскому обществу романтическую репрезентацию Востока [Басханов, 2023, с. 61].

Со стороны военно-гражданской администрации Кавказа интерес к Турции как к геополитическому противнику усиливался при назревании военных конфликтов, которые, как правило, приводили к перекройке государственных границ в регионе. Российских военных особенно интересовали земли северного приграничья своего соседа, сбор информации о которых производился через посылку на территорию потенциального противника секретных агентов или дипломатических миссий.

² The study has been funded by the Russian Science Foundation No. 25-28-00152 "Russian Imperial practices of the Greater Caucasus and adjacent lands intellectual acquisition in 19th – early 20th c.", <https://rscf.ru/en/project/25-28-00152/>

Тематика данной статьи связана с анализом выполнения секретного задания, одним из военных исследователей российско-турецко-персидского приграничья – Егором Ивановичем Чириковым, полученного им от Российского Генерального Штаба перед началом Крымской войны 1853–1856 гг.

Е.И. Чириков (1804–1862) принадлежал к старинному дворянскому роду. Закончив юнкерское училище в Петербурге, он проходил службу по квартирмейстерской части. В 1824 г. он был произведен в свитские офицеры и направлен на ведение топографических съемок внутри России. В годы Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. и при подавлении польского восстания Чириков проявил себя деятельным офицером и выполнял обязанности офицера Генерального Штаба в различных должностях [Гамазов, 1875, с. I–II]. В 1848 г. в чине полковника Чириков был назначен членом Международной комиссии для определения границ между Турцией и Персией в Закавказье и Малой Азии.

Деятельность этой комиссии хорошо задокументирована, отражена в мемуарах ее российских и зарубежных участников [Loftus, 1857; Гамазов, 1875; 1877; Проскуряков, 1906], а также не раз являлась предметом изучения современных исследователей [Ates, 2013; Басханов, 2023]. Три года работы (1849–1852), завершившиеся составлением карт и статистических описаний земель, не привели к желаемому политическому результату: предложенная линия разграничения осталась рекомендацией, которой не спешили воспользоваться ни одна, ни другая сторона. Вместе с тем российский комиссар – Е.И. Чириков, его секретарь – надворный советник М.А. Гамазов, военные топографы штабс-капитан Я.С. Проскуряков, поручик П.С. Цикорев и прапорщик И.А. Огранович получили доступ к осмотру тех земель, которые входили в сферу российских интересов в Закавказье.

Помимо официальных гражданских описаний, опубликованных еще в XIX в. по линии Кавказского отдела РГО [*Записки КОИРГО*, 1875], существуют секретные аналитические справки, отражающие характер интереса российского Генерального штаба к сопредельным к Кавказу территориям. Основу этих материалов составляет объемная рукопись Е.И. Чирикова с говорящим названием: «Обзор в военном отношении части Азии, в которой нынешние обстоятельства могли бы привести Россию и Персию к действиям против Турции» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 3–47об]. Составленная в марте 1854 г., рукопись была засекречена и передана Военным министром, князем В.А. Долгоруковым командующему Черноморским флотом, адмиралу А.С. Меншикову «для сведений и соображений в потребных случаях» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 2]. В личном фонде этого адмирала в Российском государственном архиве Военно-морского флота она и хранится до настоящего времени.

Записка Чирикова представляет собой смесь сведений о городах, дорогах, территориях российско-турецкого приграничья и размышлений о том, как удобнее вести военные действия на описываемом театре. Замечания исследователя направлены на скрупулезное изложение того, какие трудности географического, климатического, военного или этнографического характера может встретить наступающая армия ведущая «большие военные действия на Востоке, в случае участия в них России, или оружием, или влиянием» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 5об].

Следует отметить, что описанный военным исследователем район лишь частично входил в состав тех земель, разграничить которые была призвана комиссия и их осмотр был проведен скрытно под предлогом проезда к местам сбора или обеспечения бесперебойной работы [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 5].

Обзор турецких территорий Чирикова существенно отличался как от стиля описаний неведомых земель, составлявшихся российскими учеными-натуралистами рубежа XVIII–XIX веков [Клапрот, 2008], так и гражданскими путешественниками по Востоку [Березин,

1852]. Подобно другим европейским державам, исследовавшим, во второй половине XIX в. приграничья своих империй [Simpson, 2021], российское военное ведомство акцентировало внимание на необходимости изучения дорог в то время, как научные организации стремились к максимальному охвату описаниями всей поверхности.

В результате, вместо развернутого систематического описания турецких пашалыков, Чириков сосредоточился на информации о важных стратегических пунктах и путях сообщения между ними. Это приближает жанр его произведения к так называемой «навигационной литературе» [Pratt, 1992, р. 23], составление которой было распространено среди как российских [Лопухин, 1958], так и европейских [Glen, 1823] авторов.

Составление описания дорог прежде всего предполагало получение списка населенных пунктов и топонимов, «который во многих культурах вплоть до XIX в. и входил в само определение “дорога”» [Simpson, 2021, р. 78]. В связи с этим свою рукопись Чириков начинает с перечня населенных пунктов, по которым прошла Демаркационная комиссия от Багдада до Персидского залива и от последнего к Эрзеруму. Однако несмотря на то, что комиссия не начала, а завершила свою работу вблизи от российско-турецко-персидского пограничья у Арарата [Басханов, 2023, с. 87], с описания Кавказской границы России исследователь начинает повествование в своей рукописи.

Полученные путем наблюдений данные Чириков группировал по параметрам, которые были определены в инструкции, предложенной в 1833 г. генералом А.И. Нейдгартом для составления военно-статистических описаний потенциальных театров военных действий [НИОР РГБ, ф. 68, оп. 1, д. 49]. В ней генерал-квартирмейстер требовал, чтобы ведущий военную разведку офицер представил смесь военно-топографических, политико-экономических и этнографических данных, достаточных для формирования полного представления об описываемой земле и её людях и позволявших командованию точно определить способ ведения боевых действий.

В центре рекогносцировки края стояло исследование дорог. А.И. Нейдгарт подчеркивал изначально военные цели сбора информации о них, которая была нужна командованию, чтобы «при военных соображениях расположить безошибочно движения армии и различных колонн ее» [НИОР РГБ, ф. 68, оп. 1, д. 49, л. 57]. Полная характеристика дороги предполагала обстоятельные ответы на ряд вопросов. Разведчик должен был перечислить основные географические пункты и ориентиры, через которые проходит дорога, сообщить её направление и протяжённость, выявить разветвления и по возможности, осмотреть параллельно идущие проселочные пути [НИОР РГБ, ф. 68, оп. 1, д. 49, л. 61].

Особое внимание следовало уделить описанию возможных препятствий для движения войск. Ими могли стать как характер дороги: её узость, плохое покрытие, выбоины и грязь, так и особенности окружающего рельефа местности: реки и переправы, горные теснины, овраги и пропасти, а также закрытость обзора лесными массивами, кустарником или особенностями рельефа местности [НИОР РГБ, ф. 68, оп. 1, д. 49, л. 61]. Разведчик должен был учитывать проходимость дороги в разное время года и сообщить для этого время наступления распутицы и выпадения снега в описываемой им местности [НИОР РГБ, ф. 68, оп. 1, д. 49, л. 62]. Он должен был учитывать возможность проведения сапёрных работ, на основной трассе или рядом с ней [НИОР РГБ, ф. 68, оп. 1, д. 49, л. 61].

В целом грамотно составленное описание дороги, по словам генерала-квартирмейстера, выходило на сообщение не только узких практических сведений о конкретном пути, но и обширной информации обо всей стране, включая сведения географического и политико-экономического содержания. Подобно многим другим военным своего времени, генерал-квартирмейстер Главного штаба не задумывался над тем, что в масштабах производства знаний об окраинах Мира, разведка дорог представляла собой довольно примитивный

инструмент формирования пространственных представлений и сбора этнографических данных о фронтире [Simpson, 2021, p. 77].

Исходя из требований командования, Чирикова интересовали дороги в трёх регионах Азиатской Турции: пути, лежавшие от Российско-Турецкой границы к Баязету и Эрзеруму, трассы вдоль Черноморского побережья от Батума к Трапезунду и Самсуну и группа дорог, ведущих от Самсуна к Сивасу, а от него – к р. Евфрат. Описанием долины Евфрата и переправ через эту реку у селения Малатии заканчивается обзор Чирикова.

Описывая пройденные в Турецком приграничье дороги, Чириков уделял, как того требовала инструкция, особое внимание их состоянию. Например, пересказывая тезисы Нейдгарта, офицер призывал командование «брать в соображение глинистый грунт, который встречается как от нашей границы до Кагызмана, так и дальше. При дождях дорога становится затруднительной для колес по вязкому грунту, сверх препятствий, происходящих от гористой местности» [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 13].

Подводя итог наблюдениям, Чириков замечает, что все дороги в российско-турецком приграничье находятся в неудовлетворительном состоянии. Так, например, дорога под турецким Кагызманом настолько «плохая что местные зовут ее Ит-Солу, что в переводе означает “собачья дорога”, по трудности перехода» [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 13об]. По ней, отмечал разведчик, движутся только когда разлив реки Аракс не дает выбрать другой, более удобный путь.

От взгляда наблюдательного военного не укрылось и то, насколько горист и ухабист пройденный путь. Например, он пишет, что за «собачей дорогой» идет подъем «доступный артиллерии, но очень утомительный по своей длине. Русская комиссия поднималась ровно один час, следовательно подъем имеет по крайней мере 4 версты протяжения» [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121. л. 14об]. Обилие подобных деталей показывает, что разведчик проделал весь свой путь с хронометром и блокнотом в руках, тщательно фиксируя особенности рельефа местности.

Особое внимание Чириков уделил описанию дорог на пространстве между Батумом, Трапезундом и Самсуном. Осматривая этот район, лежавший в стороне от места деятельности Демаркационной комиссии, разведчик должен был вести наблюдения скрытно, не мог использовать измерительные приборы и ограничился «глазомерной съемкой» местности. Вместе с тем он старался собрать максимальные данные о регионе и, как того требовала общепринятая практика, составлял описание нескольких замкнутых кругов, движение по которым давало гарантию от совершения ошибки [Simpson, 2021, p. 78].

В тексте рукописи Чириков делал пометки, какой из участков пути был им осмотрен невнимательно. Например, он пишет, что подъем на гору Кулат – «одну из высочайших гор в той стороне», совершенный в начале октября 1853 г., проходил во время сильной снежной выюги, а «кроме того облака носились по горам и наполняли ущелье так, что невозможно было обзирать проходимую местность» [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 24]. Тем не менее, исходя из опыта, офицер считал, что по пройденному пути в сухое время года возможно провезти горную артиллерию, «медленно, при большом поправлении дороги, и то если не будет сопротивления от неприятеля» [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 24об].

Он отмечает, что для движения войск вдоль Черноморского побережья, серьезным препятствием могут стать поросшие лесом предгорья. «Чаща обстанивает плотно дорогу с обеих сторон, – пишет он, – оставляя пространство для прохода в некоторых местах не более 2–3 сажень в ширину. Везде могут быть устроены завалы и засады против наступающих войск» [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 24об].

В описании прослеживаются и общие трудности, с которыми сталкивались многие европейские исследователи при разведке в местности со сложным рельефом. Они, по

справедливому наблюдению Т. Симпсона, далеко не всегда имели возможность пешком прогуляться вдоль всей протяженности трассы, часто ограничивались визуальным наблюдением за дорогой с вершины какой-либо возвышенности. В том же случае, когда рельеф не представлял возможности для «чистого взгляда», заслоняя и скрывая трассу от глаз, приходилось полагаться на информацию местных жителей [Simpson, 2021, p. 84].

Как свидетельствует рукопись Чирикова, он часто расспрашивал проводников и местных жителей об окрестностях тех мест, по которым он двигался [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 26об]. Офицера интересовало «летняя» это, или «зимняя» дорога, то есть в какое время года ею пользуются; какие от нее отходят боковые пути и есть ли возможности для обхода встреченных препятствий. Подобно многим европейским авторам, разведчик с большим недоверием относился к сведениям, полученным от местных информаторов, не могущих оперировать понятиями европейской топографии «или даже внятно ответить на простой, казалось бы, вопрос: есть ли между этими холмами и возвышающимися вдали нагорьями большая река, или нет» [Simpson, 2021, p. 84].

По справедливому наблюдению современного исследователя Ф.А. Нура, принятые в европейской статистике схемы описания земель на Востоке, существенно отличались от образа мышления местного жителя. Последний, сообщая данные о своей стране, не мог сортировать информацию по тем категориям, которые интересовали разведчика. В результате европейский наблюдатель делал вывод о глупости, враждебности или скрытности местного реципиента и стремился опереться не на туземные сведения, а на данные, заимствованные у другого, такого же европейского автора, раньше него побывавшего в регионе [Noor, 2020, p. 82].

Данное наблюдение применимо и к деятельности Чирикова, который часто отсылал читателя к статистическим данным и сведениям, собранными военными во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., описаниям, составленным российскими топографами или европейскими путешественниками. Все они представлялись разведчику более точными, чем опросы даже симпатизировавших России местных греков и армян. Разведчик особо подчеркивал, что в приграничье исследователь не должен доверять звучанию местных топонимов, а стремиться самостоятельно осматривать местность. Он отмечает, что одну из дорог, ведущих от Эрзерума в Трапезунд, турки называли Пушечной (Топ-Иолу). «Не должно вдаваться в заблуждения по этому прозванию и думать, что по подобным пушечным дорогам можно везде пройти войску и артиллерии, – писал он. Название пушечных дорог здесь хотя и происходит от того, что по ним действительно снабжался Эрзерум артиллерией из Константинополя через Трапезунд, но эти пушки перевозятся караванами как товар, то разобранными, то иным способом, что возможно в своей земле в мирное время, но не для военного движения» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 23].

Анализ собранных сведений преломлялся Чириковым исключительно в военной плоскости. Он давал советы о том, каким требованиям должна отвечать наступающая армия, предлагал включить в ее состав передовой отряд с горной артиллерией, а в арьергард брать «больше выюков и меньше колесного обоза» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 11об], а для исправления дорог и налаживания переправ непременно иметь саперов.

Разведчик не считал турецкую армию серьезным противником и не поднимал вопроса о возможности осман упредить действия русских. Став заложником известного ориенталистского штампа о «вечном сне Востока» [Бобровников, 2011, с. 114] офицер был уверен, что турки пропустят первый удар и войска без труда вступят в приграничье, так как «средства его к обороне не могут быть значительны, потому что турки, вероятно, не обратят особенного внимания на пункты, лежащие в стороне от больших сообщений» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 10–11об].

Расхожий штамп об отсталости Востока и уверенность, что период расцвета восточных обществ лежит в далеком прошлом [Jersild, 2002, p. 68], диктовали оценки Чириковым положения турецкого государства и османской армии. Разведчик отмечал, что многие древние укрепления в приграничье в настоящее время заброшены и превратились в руины. Такими он считал укрепление в Кагызмане [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 11] и Хасан-Кале [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 16–16об]. Последнее, по словам офицера, было грозным для средневековых армий, но в условиях современной войны, уже «не запирает в точном смысле долину Аракса и Арзерумскую дорогу» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 16–16об].

Следуя руководству А.И. Нейдгарта, офицер составил оригинальные военно-статистические описания ведущих турецких крепостей на Северо-Западе Османской империи: Эрзерума, Баязета, Трапезунда и Самсуна. Он сравнивал полученные в ходе личного наблюдения данные с теми, которыми ранее располагало военное ведомство и делал довольно тенденциозные выводы о лени и беспечности противника. Например, описывая Эрзерум, он не удержался от комментария, что в укреплениях этой крепости «не заметно перемены, а пример прошлого не научил турок улучшить и усилить их; разве в 1853 году при ожидании разрыва с Россией, могли быть устроены какие-либо батареи на Топ-Даге и на валу. Но при последнем проходе русских в 1852 г. этого еще не было. Вал, окружающий предместье, в запущении. Стены крепости ветхие и не надежные...» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 17].

Следы небрежности разведчик фиксировал и в других городах. Так, говоря о Баязете, он указывал, что главное оборонительное сооружение города – так называемый Новый замок, не имеет артиллерии, а его оборона приспособлена только для «ружейного огня. Фланговой обороны в нем никакой нет, да и фронтальные огни, по своей чрезвычайной навесности, неопасны для атакующих» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 19]. Говоря о фортификациях Трапезунда, он заметил, что несмотря на то, что на западной стороне крепость имела двойные стены, они сохраняли следы еще средневековой Византийской постройки, а от рвов остались лишь ручьи с обрывистыми берегами [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 26].

Разведчик педантично фиксировал ошибки и промахи, допущенные турками при строительстве фортификаций. Например, в Трапезунде османы не позаботились укрепить командовавшую городом высоту Боз-Тепе, находясь на которой можно было рассмотреть противника. «Карантин и летняя гавань кажутся под ногами, а в крепости и в городе можно следить глазом за всяким движением» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 27об], – писал наблюдательный разведчик. С этой высоты он и рассматривал городские фортификации, сожалея, что «Демаркационная комиссия не имела времени и возможности осмотреть тщательно как местность около самих стен укреплений, так и состояние этих стен» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 28об]. Однако он успел изучить внешние укрепления, выходившие к берегу моря, пристань Мала-Бурну, сосчитал пушки на прикрывавшей её батарее, заметил расположение цитадели и порохового погреба [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 26].

Следует отметить, что характер сведений в рукописи Чирикова существенно отличается от тех, что были зафиксированы в официально изданном «Путевом журнале» даже если речь шла об одном и том же месте. Например, вместо развернутого военно-статистического описания Эрзерума, приведенного в рукописи, Чириков в своем «Журнале» фиксирует лишь набор бессвязных деталей, явно предназначенных для дальнейшей аналитической обработки [Гамазов, 1875, с. 512].

В свою очередь, секретная записка показывает тщательность проведенных наблюдений. Так, в Трапезунде разведчик сверял увиденное с имевшимся у него планом Я.С. Проскурякова. Благодаря работе своего коллеги, офицер тщательно вымерил расстояния от командовавшей местностью возвышенности до цитадели, крепости и порта и,

опираясь на полученные данные, предложил командованию вариант возможного штурма города [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 27–27об].

Одновременно с разработкой проекта захвата Трапезунда, Чириков указывал и на стратегические трудности, связанные с реализацией задуманного. По расчетам военного, для этого потребуются значительные воинские силы, которые по пересечённой местности будет очень сложно перебросить со стороны российского Кавказа. Атаку города он предлагал организовать с моря, «если бы случилось, что флот наш, владея морем, мог привезти десант» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 28об], – писал он.

Отдельный блок сведений был посвящен описанию жителей приграничья. Чуркин отмечает значительное уменьшение количества людей в турецких городах, по сравнению с концом 1820-х гг., вызванное, по его словам, эпидемиями, дурным способом правления, а также желанием местных жителей избежать призыва в турецкую армию [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 17об]. В результате в некогда цветущих турецких городах, таких, как Баязет, «целые кварталы стоят в запустении, или совершенно в развалинах» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 18об], – пишет автор.

Описывая население городов, Чуркин тщательно указывал его этно-религиозный состав, считая, что только турки-мусульмане присоединятся к армии противника. Армянское и греческое христианское население приграничья, по словам разведчика, симпатизировало России и не станет поддерживать турецкое правительство [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 17об]. В связи с этим исследователь при оценке количества жителей всех населенных пунктов приводил раздельные цифры для турецкого и христианского населения. Интересно отметить, что данный подход к статистике использовался российскими военными еще со времен Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг., когда при составлении камерального описания жителей Карса были указаны не только мусульмане и армяне, но и «цыгане армянского исповедания» [*ЦИАГ*, ф. 2, оп. 1, д. 2390], которых имперская военно-административная мысль не могла причислить ни к первым, ни ко вторым, но считала лояльными.

Вместе с тем определенные неудобства для русских войск, по оценке Чирикова, могли представлять местные мусульмане – лазы и курды. Первые жили в районе Трапезунда, а вторые кочевали вокруг Кагызмана примерно «перехода на два» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 13]. Описывая этнические территории приграничья, Чириков указывает на условность государственного разграничения между Россией и Турцией на Юго-Восточном участке, которое существовало на уровне международных трактатов, но не признавалось местными жителями. Разведчик отмечает, что земля на 16 верст от последнего русского казачьего поста в деревне Парнаут на Кагызманской дороге, «считается русской по трактату, до впадения речки Акчай в Аракс, но Курды, кочующие за Араксом, этого не признают, они пасут свои стада на означенном пространстве и нападают иногда на казачьи пикеты» [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 12об].

Подводя итог, следует отметить, что рукопись Е.И. Чирикова осталась не более чем литературным памятником амбициозного имперского военного проекта середины XIX века, а его стратегические расчеты и тактические советы не были реализованы на практике. Вместо 250-тысячного корпуса, необходимого, по оценке офицера, для организации только одной десантной операции в Трапезунд [*РГА ВМФ*, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 29], Россия перед началом Крымской войны смогла сосредоточить на всей своей южной границе не более 280 тыс. человек [Урусов, 1866, с. 20], а продолжавшееся российско-горское противостояние отвлекало в годы этой войны на себя как имеющиеся силы, так и внимание имперских генералов. На самом же Кавказском театре, как отмечал историограф этой войны М.И. Богданович, кампания 1853 года для России «открылась совершенно неожиданно»: турецкие войска вместо ожидаемого от них бездействия, первыми перешли в наступление

как на Черноморском побережье у Батума, так и на центральном участке границы; под угрозой оказались не турецкие крепости Баязет, Эрзерум и Трапезунд, а российские – Эривань, Александрополь и форт Св. Николая [Богданович, 1876, с. 208–209].

Помимо ставки на оптимистичный вариант развития военных событий, работа Чирикова отражала и общий недостаток европейских описаний дорог в приграничье своих империй. По справедливой оценке современных исследователей, военные разведчики оперировали точными данными только об узкой полосе земель вдоль трассы. В результате описанный путь висел в «географической пустоте» – пространстве, структурированном через слухи и «риторику» проводников. При этом, чем дальше от дороги находились объекты, тем более «вероятностными» были сведения о них. Это превращало карту региона, составленную, исходя из дорожных описаний, в набор предположений, что существенно ограничивало её обращение [Simpson, 2021, p. 87]. Указанный недостаток карты приграничья, вычерченной по данным Чирикова, неизбежно проявился, когда столкновения русской и турецкой армий в 1853–1854 гг. произошли не на тех рубежах, на которые рассчитывал офицер, а между Александрополем и Карсом – под Баш-Кадык-Ларом и Кюрюк-Дара [Муравьев, 1877, с. 1–2], описаниям которых офицер в своей записке вообще не уделил внимания.

Вместе с тем информация, собранная русским разведчиком, имела большой потенциал для формирования имперской географии прилегающих к Кавказу земель. На примере описаний дорог на Анатолийском полуострове, тянущихся от российской границы к Евфрату и далее в Малую Азию, видно, что тот способ, которым велось изучение приграничья, накладывал отпечаток на формирование образа зоны Российского влияния в сознании имперского военного. Мобильный способ изучения дорог внедрял в обыденное сознание представление о том, что как само имперское пространство, так и зона военно-политических интересов европейской державы не строго фиксированы государственными границами, а весьма растяжимы, что готовило почву для обоснования дальнейшей экспансии [Simpson, 2021, p. 86]. Прочтение детальных описаний земель Османской империи и особенно, рекомендаций военного характера по их захвату, сделанных Е.И. Чириковым, неизбежно приводило читателя к выводу, что, еще не завершив политическое, экономическое и интеллектуальное освоение Российского Кавказа, имперская военно-стратегическая мысль уже задумывалась над проектами расширения внешних границ до Самсуна и верховий Евфрата.

В контексте интеллектуального освоения прилегающих к Кавказу территорий Е.И. Чириков, несомненно, внес посильный вклад в расширение того, что Э. Саид охарактеризовал как «политические знания о Востоке» [Саид, 2021, с. 32] – суммы сведений, которые по самому предмету изучения влияли на принятие руководством страны дальнейших военно-политических решений. В исторической же перспективе сведения, собранные Чириковым и другими военными разведчиками в российско-турецком пограничье, оказались полезными и помогали Российской империи успешно вести войны на Южном направлении вплоть до Первой мировой войны.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки [*RD RSL* – Research Department of Russian State Library]

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота [*RSAN* – Russian State Archive of the Navy]

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии [*CHAG* – Central Historical Archive of Georgia]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Басханов М.К. *Османская империя на русских исторических картах (1700–1917)*. Стамбул: Союз муниципалитетов тюркского мира, 2023 [Baskhanov M.K. *The Ottoman Empire on Russian Historical Maps (1700–1917)*. Istanbul: Soyuz munitsipalitetov tyurkskogo mira, 2023 (in Russian)].

Березин И.Н. *Путешествие по Северной Персии*. Казань: Университетская типография, 1852 [Berezin I.N. *The Travel in the North Persia*. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1852 (in Russian)].

Бобровников В.О. Ориентализм в литературе и политике России на Кавказе XIX в. *Tartaria Magna*. 2011. № 1. С. 104–123 [Bobrovnikov V.O. Orientalism in Russian Literature and Politics in the Caucasus, 19th Century. *Tartaria Magna*. 2011. No. 1. Pp. 104–123 (in Russian)].

Богданович М.И. *Восточная война 1853–1856 годов*. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Сушинского, 1876. Т. 1 [Bogdanovich M.I. *The Eastern War, 1853–1856*. Saint Petersburg: Tip. F. Suschinskogo, 1876 (in Russian)].

Гамазов М.А. *Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 гг.* Санкт-Петербург: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1875 [Gamazov M.A. *The Travel Journal of E.I. Chirikov, the Russian Commissioner of the Turkish-Persian Demarcation, 1849–1852*. Saint Petersburg: Izd. Voenno-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba, 1875 (in Russian)].

Гамазов М.А. *Сияхэт-Намэ-и-Худуд. Описание путешествия по Турецко-Персидской границе. Сост. Хуршид-эфенди*. Санкт-Петербург: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1877 [Gamazov M.A. *Siyakhhet-Name-i-Khudud. The description of the travel along the Turkish-Persian border. By Khurshid-Effendi*. Saint-Petersburg: Izd. Voenno-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba, 1877 (in Russian)].

Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. IX. Санкт-Петербург, 1875. [Papers of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. IX. Saint Petersburg, 1875. (in Russian)].

Клапрот Ю. *Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства*. Нальчик: «Эль-Фа», 2008 [Klaproth J. *The Description of Travel in the Caucasus and Georgia by Order of the Russian Government, 1807-1808*. Nalchik: “El-Fa”, 2008 (in Russian)].

Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. *История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.* Под ред. М.О. Косвена, Х.М. Хашаева. Москва: Издательство восточной литературы, 1958. С. 6–59 [Lopuchin A.I. The Journal of Travel through Dagestan. *History, Geography and Ethnography of Dagestan. 18th - 19th centuries*. М.О. Kosven, К.М. Khashaev (eds.) Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1958. Pp. 6–59 (in Russian)].

Муравьев Н.Н. *Война за Кавказом в 1855 году*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типогр. Товарищества «Общественная польза», 1877 [Muraviev N.N. *The War in Transcaucasia in 1855*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipogr. Tovarischestva «Obschestvennaya polza», 1877 (in Russian)].

НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 49. Руководство для офицеров Генерального штаба при войсках состоящих. [SRD RSL. F. 68. Inv. 1. Case 49. The Guide for the General Staff Officers Deployed with the Troops (in Russian)].

Проскуряков Я.С. Заметки о Турции. *Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества*. 1906. Т. XXV. С. 1–112 [Proskuryakov Ya.S. Notes on Turkey. *Papers of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society*. 1906. Vol. XXV. Pp. 1–112 (in Russian)].

РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 121. Л. 3–47об. Обзор в военном отношении части Азии, в которой нынешние обстоятельства могли бы привести Россию и Персию к действиям против Турции. [RSAN. F. 19. Inv. 4. Case 121. Pp. 3–47 rev. The military review of the part of Asia in which the current circumstances could lead Russia and Persia to actions against Turkey (in Russian)].

Саид Э. *Ориентализм*. Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2021 [Said E. *Orientalism*. Moscow: Muzey sovremennogo iskusstva «Garazh», 2021 (in Russian)].

Урусов С.С. *Очерки Восточной войны*. Москва: Типогр. Грачева и К, 1866 [Urusov S.S. *Essays on the Eastern War*. Moscow: Tipogr. Gracheva i K, 1866 (in Russian)].

ЦИАГ. Ф. 2. Оп.1. Д. 2390 Краткая ведомость, составленная из камерального описания города Карс [CHAG. F. 2. Inv. 1. Case 2390. Brief Registry comprised from the cameral description of the town of Kars (in Russian)].

Ates S. *The Ottoman-Iranian Borderlands. Making a Boundary. 1843–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Glen W. *Journal of a Tour from Astrachan to Karass*. Edinburgh: David Brown Publ., 1823.

Jersild A. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. London: Ithaca, 2002.

Loftus W.K. *Travels and Researches in Chaldea and Susuana*. New York: Robert Charter and Brothers Publ., 1857.

Noor F.A. *Data-Gathering in Colonial Southeast Asia 1800–1900: Framing the Other*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020.

Pratt M.L. *Imperial eyes: travel writing and transculturation*. London – New York: Routledge, 1992.

Simpson T. *The Frontier in British India: Space, Science and Power in Nineteenth Century*. Cambridge: University Printing House, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТКАЧЕНКО Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Dmitry S. TKACHENKO, DSc (History), Professor, Russian History Department, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.